

С. Э. ЗВЕРЕВ

ВОЕННАЯ
РИТОРИКА
НОВОГО
ВРЕМЕНИ

УДК 355:808.5"15/18"

ББК 68

З 433

Рецензенты:

О. Ю. Ефремов, доктор педагогических наук, профессор
(Военная академия связи)

О. Ю. Пленков, доктор исторических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет)

Зверев С. Э.

3433 Военная риторика Нового времени. – СПб.: Алетейя, 2012. – 400 с.

ISBN 978-5-91419-701-5

Предлагаемое издание представляет собой продолжение исследования, предпринятого автором в монографиях «Военная риторика Древнего мира» и «Военная риторика Средневековья». История военной риторики Нового времени рассматривается в рамках развития общественной речи. Прослеживается закономерность смены пафосов общественной речи, обусловленная динамикой развития общественных отношений, характерных для определенного исторического периода.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 355:808.5"15/18"

ББК 68

ISBN 978-5-91419-701-5

9

© С. Э. Зверев, 2012

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. ВОЕННАЯ РИТОРИКА «ВОЙН ЗА ВЕРУ»	13
1.1. Французское военное красноречие периода религиозных войн.....	13
1.2. Риторика английской революции.....	33
1.3. Военная риторика Тридцатилетней войны.....	51
Глава 2. ВОЕННАЯ РИТОРИКА ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА.....	79
2.1. Общественная речь во Франции при короле Людовике XIV	79
2.2. Российская военная риторика эпохи Петра I.....	95
2.3. Военная риторика Фридриха Великого.....	127
Глава 3. ВОЕННАЯ РИТОРИКА НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХИ.....	154
3.1. Военная риторика Наполеона Бонапарта.....	154
Итальянская кампания (1796–1797).....	159
Экспедиция в Египет	166
Кампания 1805 года.....	172
Кампания 1812 года.....	181
Состояние общественной речи при Наполеоне I	188
3.2. Русская военная риторика конца XVIII—первой четверти XIX вв.....	192
Военная риторика А.В. Суворова	199
Военная риторика М.И. Кутузова	213
Риторика Александра I.....	233
Учебник военной риторики Я.В. Толмачева	242
Глава 4. ВОЕННАЯ РИТОРИКА «ЖЕЛЕЗНОГО» ВЕКА	250
4.1. Военная риторика николаевского времени	250
4.2. Военная риторика Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.....	284
4.3. Русская военная риторика периода Первой мировой войны.....	314

Заключение	360
Приложения	366
Приложение 1	366
Приложение 2	371
Приложение 3	372
Приложение 4	373
Приложение 5	374
Приложение 6	378
Краткий словарь терминов	379
Список литературы	381

Глава 1. ВОЕННАЯ РИТОРИКА «ВОЙН ЗА ВЕРУ»

1.1. Французское военное красноречие периода религиозных войн

Практически весь XVI в. прошел под знаком непримиримой борьбы французских Валуа с испанскими Габсбургами, владения которых после провозглашения в 1520 г. испанского короля Карлоса I императором Священной Римской империи под именем Карла V, охватывали Францию практически со всех сторон, грозя удушить единственную национальную монархию на европейском континенте. Эта борьба, начатая великим королем Франциском I, не прекращалась даже во времена обострения гражданских религиозных войн во Франции, разгула Фронды, когда, казалось, французы были всецело поглощены своими собственными делами, и закончилась не ранее второй половины XVI в., вместе с окончанием Тридцатилетней войны, положившей конец надеждам Габсбургов на доминирование в Европе. Возникновение и развитие протестантизма в пределах французского королевства, как представляется, находится в прямой связи с историей этого противостояния.

В истории религиозных войн, терзавших Францию на протяжении почти полувека, можно выделить три этапа. Первый этап, который условно можно назвать *аристократическим*, длился приблизительно с 1562 по 1576 год. В это время борьба за религиозные свободы велась, в основном, между королевской властью и представителями высшей родовой аристократии. Можно с уверенностью утверждать, что в бедствия гражданских религиозных войн ввергла Францию трагическая случайность гибели на турнире короля Генриха II (1519–1559). Пребывание у кормила власти череды его слишком молодых и не отличавшихся крепким здоровьем наследников фактически спровоцировало «смутное» время в королевстве. **Борьба за религиозные свободы со стороны аристократии стала своеобразной феодальной реакцией на процессы складывания французского абсолютизма, начавшиеся во время правления Франциска I.**

Особенно показательны в этом отношении политические метания наваррского королевского дома, из которого произошел «единственный король о котором народ сохранил память» [43, С. 3], по выражению неизвестного автора XVIII в. — знаменитый Генрих IV (1553–1610). В деле воспитания маленького Генриха гугенотом, как и в распространении протестантской религии во Франции, историки традиционно главенствующую роль отводят его матери Жанне д'Альбре, видя в ней ревностную поклонницу идей Реформации. Этой точки зрения, в частности, придерживается Ж.-П. Баблон, считающий, что «она была склонна к героизму вплоть до мученичества, представляя себя на арене вместе с первыми христианами, отказавшимися приносить жертву ложным богам» [7, С. 51]. Но всегда ли было так?

Вот перед нами хронология эволюции взглядов наваррской королевы и ее супруга, приводимая тем же автором. В 1555 г. Жанна и ее супруг Антуан Бурбонский заявляют о своем намерении «искоренить еретическую секту» и «сохранить католическую религию» в пределах своих владений. Правда, приблизительно в это же время в одном (!) частном письме молодая королева упоминает о том, что «новая вера праведна и необходима». На основании этой «многозначительной» строчки Баблон отвергает наблюдения Брантома, который по его мнению «как и многие другие заблуждался, написав, что «она больше любила танцы, чем проповеди, и не выказывала никакого расположения к новой религии» [7, С. 52].

В 1557 г. Антуан, лавируя между Испанией и Францией с единственной целью расширить и обеспечить собственные владения, совершает прямую измену королю Генриху II, в результате чего под Сен-Кантенем французская армия терпит от испанцев полное поражение, а командовавший ею адмирал де Колиньи (впоследствии один из столпов гугенотов) попадает в плен. Заглаживая результаты столь безрассудной политики, супружеская чета отправляется в январе 1558 г. в Париж, даже не дожидаясь окончания траура по трагически погибшему всего около полутора месяцев назад их младшему сыну. И наконец, именно Антуан, а отнюдь не его склонная к героизму супруга, первым решается высказать свои религиозные «убеждения», попросив в 1557 г. Женевскую церковь прислать в Беарн проповедника. Однако вопреки всколыхнувшимся надеждам протестантов заполучить в свой лагерь принца королевской крови Антуан отвечает отказом защищать свою новую веру на заседании Генеральных штатов 1558 г. и впоследствии, после внезапной кончины Генриха II, казалось и думать забудет о том, чтобы защищать вооруженной рукой религиозную истину.

На основании всего сказанного, на наш взгляд, с достоверностью можно сделать вывод о том, что «обращение» Антуана Бурбонского и его супруги в лоно реформатской религии в большей степени было вызвано опасением возможных репрессий за военный союз с испанцами со стороны Генриха II, которые вполне могли вылиться в конфискацию и так не слишком обширных владений наваррской четы. Печальный пример родственника Антуана – коннетабля Шарля де Бурбона, изменившего в свое время Франциску I, надо полагать, многому мог научить незадачливого любителя политических интриг. Единственным способом смягчить гнев короля Франции могла явиться открытая декларация принцем протестантских взглядов, ибо представить, что христианнейшие короли Испании впредь изъявят желание входить в союз с явным еретиком, было, естественно, невозможно. В пользу этой версии говорит и то, что репрессии против чересчур уж «распоясавшихся» по мнению Генриха II гугенотов, в результате которых, например, брат Колиньи Франсуа д'Андело даже угодил в тюрьму, подозрительно обошли стороной открыто фрондирующего в своих владениях (куда он благополучно вернулся) Антуана.

Внезапная смерть Генриха II, совершенно изменившая расклад политических сил в королевстве, повергла Антуана в смертельный страх: он не без основания опасался, что при малолетнем Франциске II власть при дворе захватят ревностные католики Гизы, что не сулило ничего доброго внезапно «прозревшему» принцу. Только после раскрытия Амбуазского заговора (1560 г.), показавшего силу и решимость протестантского дворянства, Антуан, казалось, настолько обрел душевное равновесие, что даже «стал изображать из себя главу протестантской партии» [7, С. 56].

Ревность к реформатской религии, впрочем, была недолгой. Соблазненный очередным обещанием испанского короля отдать ему во владение Сардинию Антуан не замедлил переметнуться в лагерь католиков и даже получил пост главнокомандующего королевской армии, деятельно отвоевывая у недавних единоверцев захваченные ими в ходе первой гражданской войны (1560–1563) города. В этой должности при осаде Руана (1562 г.) и настигла его кальвинистская пуля. История последних часов жизни принца Антуана Бурбонского невольно воскрешают в памяти обстоятельства смерти шевалье де Бевиля, так точно угаданные П. Мериме в его «Хронике короля Карла IX». «Последние дни жизни как в зеркале отразили неопределенность его религиозных убеждений. До отплытия он принял католического священника, который его исповедал и причастил, но на борту он попросил своего врача-кальвиниста читать

Священное писание. Перед смертью он пообещал, что если выживет, будет исповедовать протестантизм, потом схватил за бороду своего слугу и сказал: «Верно служи моему сыну, а он пусть верно служит королю», – так описывает смерть принца Антуана Баблон [7, С. 74].

Этот экскурс в историю необходим нам как иллюстрация для того, чтобы понять, что религиозный пафос общественных речей в среде высшей французской аристократии был уже далеко не тем пафосом, который во времена Средневековья двигал толпами французов-поклонников Креста, настолько многочисленными, что в произведениях арабских летописцев «франк» было синонимом понятия «крестоносец». Религиозный пафос Нового времени представлял собой не что иное, как политическую риторику крупных феодалов, рассчитанную на достижение собственных, во многом провинциалистских целей.

В этой борьбе все использовали всех. Заигрывание, например, королевы-матери Екатерины Медичи с Антуаном Бурбонским могло объясняться не только попыткой нейтрализации последнего, чтобы им не воспользовались протестанты (которые и так всегда были в абсолютном меньшинстве во Франции), но скорее тем, чтобы нейтрализовать государство, служившее воротами во Францию со стороны Испании, которая при слабых королях Франции вполне могла воспользоваться открывающимися возможностями. Причем сами вожди партий в какой-то мере выступали заложниками выпущенного ими джинна гражданского противостояния. Так герцог Монлюк сообщал святотатственные слова восставших крестьян, от которых он требовал повиновения королю Карлу IX: «Какой король? Мы сами себе короли. А тот, о котором вы говорите, – сопляк, мы его высечем розгами и обучим ремеслу, чтоб он сам зарабатывать на жизнь, как все остальные» [7, С. 68]. В этих словах слышится отзвук речей, потрясших Францию двумя веками позже.

Не меньше зависели полководцы от наемного иностранного войска, к услугам которого сразу же были вынуждены прибегнуть обе стороны, поскольку «идейного» дворянского ополчения явно не хватало. Жестокость немецких ландскнехтов во время гражданских войн за редким исключением даже не пытались обуздывать. Продвижение протестантского войска, например, сопровождалось таким количеством насилия, разоренных церквей, уничтоженных монастырей, что юный Генрих IV, которого истинные лики войны еще могли приводить в уныние, даже заработал выговор от Гаспара де Шатильона за недостаточную твердость характера. Фанатизм же и жестокость никогда не сопутствовали высокому духовному настрою войска.

Итак, совершенно очевидно, что при таких свойствах этоса религиозный пафос никак не мог употребляться во французской военной риторике первого периода гражданских войн, который, напомним, мы назвали *аристократическим*. Собственно говорить в этом случае можно только о военном красноречии, поскольку военная риторика, как наука и искусство целесообразного построения речи, подразумевает, прежде всего, следование военным оратором определенным, более или менее общим правилам, которые предьявляют содержание пафоса и свойства этоса. В этом смысле можно считать, что с наступлением Возрождения во Франции военная риторика угасает. Сражения, которые вел Франциск I, например, вообще обходились без речей полководца, за исключением битвы при Мариньяно (1515 г.), когда король обрушился на швейцарцев с возгласом: «Кто меня любит, тот со мною!» Да и «о чем можно было говорить наемным швейцарам, рейтарам, ландскнехтам, из которых составлялись тогдашние европейские армии? Отечество, честь, слава, родина, — были для них пустые звуки; с ними можно было говорить только о корысти, — о жалованьи, — предмете слишком сухом для оратора», — считал, например, К.А. Лебедев [122, С. 12].

Не был исключением на первых порах и тот, про кого Е.Б. Фукс писал, что «в душе воин, на престоле государь и человек, он был услаждением своего народа и красою человечества» и которого «никто из великих французских полководцев не превзошел в военном солдатском красноречии» [230, С. 8]. Правда, Беарнец, будущий король Генрих IV, стал главой протестантов и главнокомандующим протестантской армией в весьма юном возрасте: ему было всего 15 лет и 3 месяца, когда в битве при Жарнаке (1569 г.) погиб признанный вождь гугенотов принц Конде. Трудно все же ожидать от подростка (хотя французские короли и считались совершеннолетними с тринадцати лет) способности потрясать речью души людей, основательно огрубевших на военной службе, обо всех особенностях которых мы писали выше.

Рис.1. Генрих IV

Излишне говорить о том, что многократно отмечали все историки: молодой принц отнюдь не был религиозным фанатиком, что было вполне в

духе высшей французской аристократии того времени. Он получил отличное светское воспитание вместе с другими французскими принцами в знаменитом Наваррском колледже, располагавшемся в Латинском квартале Парижа. Жанна д'Альбре сама озаботилась тем, чтобы ее сын получил образование, которое позже назовут классическим. «Протестанты или католики, но юные принцы воспитывались в духе культа героев, особенно великих полководцев античности Кира, Александра, Помпея, Цезаря и Августа... «Параллельные жизнеописания» Плутарха оставались для этих юношей подлинным зеркалом героизма, в котором они стремились увидеть свое изображение» [7, С. 80]. После произведений военных классиков Цезаря и Вегеция еще одна книга сопровождала будущего короля всю его жизнь – это широко известный в свое время рыцарский роман «Амадис Галльский».

Старозаветным рыцарским духом веет от слов еще молодого Генриха при тяжелой осаде Каора (1580 г.): «Знайте, что отступление мое от города, прежде чем я уверюсь, что он наш, будет отступлением жизни моей от тела. Если же я иначе поступлю, не сохраню чести. Итак, не говорите мне никто ни о чем, как только о том, чтобы сражаться, победить или умереть» [261, С. 16-17]. Очевидно, эта речь могла быть обращена только к дворянам из его ближайшего окружения, по воспоминаниям Сюлли всячески старавшихся удержать Генриха от неуместного для вождя проявления рыцарской доблести в первых рядах сражающихся.

Именно светское рыцарское воспитание, а не наставления матери, заклинаящей его сохранять верность протестантской вере под угрозой лишения наследственной наваррской короны, сообщило такое направление политике Генриха, которое впоследствии привело к объединению государства и укреплению абсолютизма. Да и сама ревность Жанны к религии, на наш взгляд, скорее, представляла реакцию женщины, оскорбленной многочисленными изменами мужа, Антуана Бурбонского, который отнюдь не отличался в этом вопросе строгим благочестием.

Успехи протестантской аристократии в борьбе с королем находили отражение не только в смягчении государственных репрессий в отношении гугенотов, но одновременно свидетельствовали о расширении социальной базы религиозного конфликта. Королевский эдикт 1570 г., например, подтверждал не только права дворянства на исповедание протестантской веры, но и разрешал проводить богослужения в предместьях двух городов каждой провинции, т.е. открывал двери исповеданию протестантства народом. Это же подтвердил и эдикт 1575 г., разрешавший богослужения

во всех городах, занятых гугенотами, и не только в предместьях, но уже собственно в 2-х городах каждой из провинций. Эдикт от 6 мая 1576 года разрешал богослужение уже во всех городах, кроме Парижа и его предместий и на расстоянии не менее 2-х лье от королевских резиденций.

Расширение политических свобод протестантской части третьего сословия послужило пусковым моментом перерастания религиозного конфликта, который до этого вполне мог считаться обычной феодальной междоусобицей, в противостояние, угрожавшее самим основам монархической власти во Франции. Образование в 1576 г. Лиги знаменовало собой вступление в борьбу третьего сословия и начало *буржуазного* периода религиозных войн. Назвать его так дает нам право анализ состава депутатов от третьего сословия Генеральных штатов, заседавших в 1614–1615 гг. Большинство из депутатов принадлежали к буржуазии (156 из 187), причем эта буржуазия была, в основном, бюрократической (121 чиновник, причем из них 114 так называемые «люди мантии», т.е. правоведы, судейские чиновники); в составе депутатов был всего 1 крестьянин и 2 купца [137, С. 324].

«Люди мантии», связанные крепкими корпоративными узами, наверняка прошедшие основательную риторическую подготовку и имевшие навык общественной речи, обладавшие глубокими знаниями и пользовавшиеся за это уважением в народе и реальной властью в структурах городского самоуправления, могли бросить вызов ослабевшей королевской власти. Не случайно Сорбонна на протяжении всего *буржуазного* периода играла роль «совести нации»; ее приговор был решающим во многих вопросах, в частности, религии, которую обязан исповедовать король и об обязанностях (!) королевской власти в вероисповедных вопросах. Именно Сорбонна и иезуиты идейно «подготовили» двух цареубийц: Жака Клемана и Франсуа Равальяка.

Парижские чиновники-законоведы были весьма озабочены успехами протестантского третьего сословия, видя в их представителях возможных конкурентов в сфере деятельности, которая традиционно считалась их прерогативой. Усиление влияния и даже само существование «альтернативной» религии в государстве, естественно, порождало множество сложностей в вопросах прежде всего правового характера. «Основное ядро движения составляли буржуа, чиновники и все кто хотел занять видное положение; это были люди, одинаково гордящиеся своими знаниями, традициями, городскими свободами, которые они защищали от власти. Дворяне и принцы туда не имели доступа, так как дворяне

пользовались среди них дурной репутацией...» [7, С. 241]. Дурная репутация дворян, заметим, объяснялась, скорее всего, их рыцарским корпоративным духом, образованностью и относительной независимостью мышления, «религией Монтеня», которую в массе своей исповедовало французское дворянство XVI века. Такими людьми было чрезвычайно трудно манипулировать. Герцог де Гиз нужен был третьему сословию Лиги только как «визитная карточка» для простонародья, все еще очень падкому на блеск титулов и славу великого имени.

Зато лигистам не составляло особого труда пробудить фанатизм католического большинства населения столицы. Характерна трансформация названий Лиги. С начала своего образования это еще «Союз принцев, сеньоров, дворянства, духовенства и третьего сословия», затем, с 1585 г. «Святая оборонительная и наступательная Лига» и, наконец, «Святая католическая Лига». Возрастание религиозных акцентов в названии напрямую было связано с увеличением зависимости деятельности Лиги от испанского короля Филиппа II, финансовая помощь которого герцогу Гизу выразилась, например, в сумме 400 000 эку в 1585 г., когда началась война Лиги. **Религиозный пафос третьего сословия выступал только средством политической борьбы, которая была религиозной по форме, ввиду отсутствия другого, более подходящего случаю пафоса общественной речи, который еще только начинал вызревать на полях сражений.**

Королям сразу стало ясно, что в этой войне борьба пойдет не на жизнь, а на смерть. «Внешне это была война проповеди и мессы, но на самом деле решалась судьба монархического государства. Лига теперь подвергалась сильному натиску просвещенной буржуазии и приходского духовенства. «Революция приходских священников» грозила смести не только царствующего короля, но и передающийся по наследству трон. Гугеноты же наоборот, готовы были отказаться от своих республиканских настроений... Для этого гугенотам достаточно было сослаться на слова человека с непререкаемым авторитетом – на самого Кальвина: «Всякая власть от Бога. Нужно повиноваться государям, даже неверным и язычникам, ибо они помазанники Божьи» [7, С. 255].

И все же протестанты, для которых Генрих Наваррский был знаменем и с которым связывались все надежды на победу, также стремились всячески ограничить его власть. Таков уж был дух времени, дух пробудившейся активности третьего сословия, для которого не существовало на самом деле вероисповедных границ. Собрание депутатов протестант-

ских приходов в Ла Рошели, например, фактически вело дело к конституционной монархии. Генриха под предлогом ограничения расходов на предметы роскоши пытались обязать следовать решениям Совета протестантских церквей и назначили ему 10 советников, которые должны были заседать в королевских покоях по понедельникам, четвергам и субботам. Видимо, не в последнюю очередь это заставило короля, в то время как он собирался сделать свой знаменитый «смертельный прыжок» в католичество, написать Габриэли д'Эстре, что «... окружает меня великое множество скучных моралистов, которые заставляют меня ненавидеть их учение...» [261, С. 44].

Генрих держался реформатской религии прежде всего потому, что она обеспечивала ему политическую и военную поддержку немецких протестантских князей и Елизаветы Английской, не раз спасавшей гугенотов присылкой денег и войск. Впрочем, прагматизм был свойствен и его заклятым врагам: «Религия не интересуется ни того, ни другого. Только страх быть отринутым протестантами мешает королю Наваррскому вернуться к религии своих предков, а герцог (де Гиз. — авт.) не прочь стать лютеранином, если только это не повредит его интересам», — замечал Монтень. В полных превратностей условиях гражданской войны государственным деятелям и полководцам требовались прежде всего недюжинное политическое чутье и дипломатические таланты. Военная риторика Генриха IV в полной мере демонстрирует и то, и другое.

В первом серьезном сражении не только периода войн Лиги, но и в личной полководческой практике Генриха Наваррского с войсками, возглавляемыми фаворитом короля Генриха III герцогом де Жуайезом при Кутра (1587 г.), речи Беарнца являют причудливое смешение героического и религиозного пафосов. Обращаясь к своим кузенам принцам Конде и Суассону, в первый раз идущим с ним в бой, он восклицает опять же в рыцарском героическом духе, в котором они вместе были воспитаны: «Помните, что в вас течет кровь Бурбонов! И с нами Бог! Я покажу вам, что я старший в роду!» Духом рыцарской вассальной верности пронизан и ответ Конде: «А мы проявим себя доблестными младшими!»

К старым гугенотам, составлявшим ядро его небольшой армии, людям, воспитанным в духе Евангелия, для которых рыцарская воинская гордость представлялась чуть ли не смертным грехом, обращаться с речью, проникнутой героическим пафосом, было нельзя. И здесь Генрих сразу же взял очень верный тон, в котором впоследствии будут выдержаны почти все его военные речи: «С небольшой речью он обратился

к солдатам и просил для них благословения Всевышнего. Потом пасторы прочли молитву. После чего армия по просьбе Агриппы д'Обинье запела 117-й псалом: «Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовеки милость Его!» [7, С. 274].

Нельзя не заметить, что военная речь Генриха Наваррского построена по правилам *воинского риторического канона*, столь распространенного во времена Средневековья (см. «Военная риторика Средневековья»). В полном соответствии с этим каноном речь представляет собой фактически публичную молитву, для которой характерно активное использование сюжетов и персоналий Ветхого завета. В рамках этого же канона следует рассматривать и обычай использования армией в качестве военных песен текстов из самой популярной во всех слоях тогдашнего общества части Библии – Псалтыри ветхозаветного царя и пророка Давида. Понимание особенностей этоса и строгое следование правилу духовной подготовки своего войска следует поставить в несомненную заслугу полководцу, тем более, как мы могли видеть, отнюдь не отличавшемуся горячим рвением к вере.

Природная живость характера Генриха все же не могла удержаться в рамках сурового и возвышенного религиозного пафоса его речей. Невозможно без улыбки читать как он, водрузив на шлем знаменитый впоследствии султан из белых перьев, кричал своим дворянам: «Расступитесь, не мешайте мне, я хочу, чтобы меня увидели в деле». Возможно здесь крылся тонкий политический расчет: духовных людей редко можно обмануть даже искусной игрой, особенно если к этому моменту пять раз менял религию, пусть даже и вынужденно, но истинное мужество говорит само за себя. В начале долгого и исключительно трудного пути к трону королю надо было помимо битвы с врагом выиграть битву и за собственное войско: было из-за чего рисковать головой. О том, что религиозный пафос речи Генриха представлял собой хотя и талантливую, но все же игру говорит один весьма любопытный эпизод битвы. Когда король, словно простой рейтар, пробился сквозь линии вражеского войска, то, как не без юмора замечал L. Prault, он «действительно даже до того дошел, что ухватил за горло храброго Шато-Реньяра, жандармского корнета, крича ему так: «Сдайся, филистимлянин!» [261, С. 19]. Беарнец чуть-чуть переиграл, злоупотребив ветхозаветной риторикой; она в его устах звучит явным диссонансом в сравнении с полными жизни призывами к рыцарской чести своих кузенов. В дальнейшем, однако, мы уже не найдем в его речах столь явной «игры на публику» – после Кутра суровые протестанты безоговорочно поверили своему королю-полководцу.

С этих пор доказавшее свою эффективность сочетание публичной молитвы и краткой речи, религиозного и героического пафоса было характерно для всех военных речей Генриха Наваррского. В решительном сражении при Иври (1590 г.) с войсками Лиги, возглавляемыми герцогом Майеннским, король произнес, пожалуй, самую знаменитую свою речь.

«В присутствии войск, стоящих в готовности к сражению, возвел он очи свои на небо и, сложа руки, призывал Бога в свидетельство его намерений и просил о помощи и обращении бунтовщиков к признанию того, кого по порядку наследования определил Он им в законного государя. Добавив к этому: «Но если Тебе угодно, Боже мой, расположить все иначе, или Ты предвидишь, что буду я из числа царей во гневе твоём определяемых, то отними жизнь мою вместе с царством; благоволи в сей день быть мне жертвой твоей святой воли; чтобы смерть моя освободила Францию от бедствий войны и прекратила распрю сию с пролитием только моей крови». Потом, приказав подать себе шлем, на котором было три белых пера, взял его и, прежде нежели по обычаю поцеловать его, говорил к войску своему следующее: «Любезные товарищи, если вы за меня подвергаете опасности жизнь свою, то и я за вас подвергаюсь опасности: я хочу победить или умереть вместе с вами. Наблюдайте свои ряды, прошу вас, если жестокость сражения принудит вас расстроиться, старайтесь тотчас смыкаться, от этого зависит победа. Соединяйтесь тогда под теми тремя деревьями, которые вы видите на высоте с правой стороны (то были три грушевых дерева), а если вы потеряете [из виду] ваши знамена, штандарты и значки, то по крайней мере не теряйте из виду белых перьев моего шлема; вы найдете его всегда на пути чести и победы!» [157, С. 188-189].

Если гордость, как уже говорилось выше, была для протестантов смертным грехом, то ничто в их глазах так не свидетельствовало о моральной чистоте и высокой нравственности человека, как кротость и смирение. Мы помним, что в концепции «справедливой» войны, разработанной трудами Блаженного Августина, добрая нравственность воинов полагалась непременно условием и залогом помощи Божией в воинских трудах. Не в последнюю очередь справедливость войны определялась и законностью государя, под чьим знаменем воин шел в бой. К тому же молитва Генриха ясно отзывалась в религиозном сознании его старых соратников-гугенотов т.н. молением Христа о чаше в Гефсиманском саду (Мф, 26:36-46; Мк, 14:32-42; Лк, 22:39-46), представляющей средоточие жертвенного подвига Спасителя. Таким образом, не было лучшего

способа вселить в души воинов сознание высоких нравственных достоинств их вождя, справедливости их борьбы и уверенности в небесной помощи в предстоящем им сражении чем тот, который выбрал Генрих.

Вторая часть речи, обращенная, надо полагать, уже к дворянам, также очень интересна сочетанием традиционного для феодализма жанра боевого приказа в форме *просьбы* сюзерена, обращаемой к могучим вассалам, с гордым рыцарским пафосом личной доблести. Это типичное средневековое «увещание» лучше всего показывает, какое значение Генрих придавал Иврийской битве. Здесь нет уже никакой бравады, боевого задора, свойственного его речам в битве при Кутра; всю индивидуальность своего риторического стиля король приносит в жертву целесообразности, всемерно льстя рыцарскому самолюбию своих подданных.

Речь короля проникнута высоким религиозным духом и наполнена аллюзиями к Священному Писанию. Сама форма обращения к ближайшим соратникам намекала на фразу Христа, обращенную к ученикам: «Я уже не называю вас рабами, ...но Я назвал вас друзьями» (Ин. 15:15). Стремление разделить труды и опасности с воинами также отсылает к евангельскому образу: «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин. 10:11).

Возвышенно-патетический стиль королевских речей, впрочем, совершенно не означает, что Генрих не отличался в кратком «военном солдатском красноречии». Когда было нужно, он умел говорить лапидарным, грубоватым истинно солдатским языком. Например, приступая к осаде Парижа, по словам Морнея, на военном совете он убеждал военачальников, употребляя весьма крепкие слова: «На что это похоже, мы пришли поиметь эту прекрасную столицу и не решаемся положить руку на ее титьки» [7, С. 306].

Rgault указывает, что перед битвой Генрих также объезжал ряды войска, и обращался к солдатам «весьма просто: «Я ваш король, вы французы, вот наш неприятель». В этом кратком призыве интересно то, что король впервые обращался именно к *французам*, которые, до этих пор осознавали себя по большей части не столько французами, сколько гугенотами или католиками. Дело в том, что со времени осады Генрихом IV Парижа (1589 г.) началось активное военное вмешательство Испании во внутренние дела Французского королевства, и в войске герцога Майеннского половину кавалерии составляли именно испанцы, а среди пехоты значительную часть составляли немецкие и швейцарские наемники и испанские копейщики, присланные Филиппом II из Фландрии.

Таким образом, битва при Иври, фактически, знаменовала собой начало третьего, *национального*, этапа в истории религиозных войн во

Франции XVI века. На этом этапе гражданское противостояние превращалось в войну против иностранного государства, а лигисты, следовательно, становились изменниками родины. Последовавшим в 1594 г. объявлением войны испанскому королю, что было актом большого политического и военного мужества, Генрих «сорвал религиозную маску» с войны с Испанией и Лигой [7, С. 429].

Мы ни в коем случае не пытаемся умалить глубокой личной религиозности Генриха IV, множество свидетельств которой рассыпано по всем воспоминаниям его современников: соратников и близких друзей. Однако он «не был ни ревнителем веры, ни страстотерпцем, ни человеком, жаждущим мученичества. В отличие от матери и сестры он принимал христианское учение любой церкви и выказывал такую веру в провидение, что ее можно назвать фатализмом, – пишет Баблон. – При обращении в протестантизм в конце 1576 г. он заявил жителям Гиены: «Религия живет в сердце человеческом и утверждается жизнью, а не мечом» [7, С. 159]. Этот тезис представляет собой, фактически *credo* человека Нового времени – буржуа, а не рыцаря!

Однако, в отличие от религии, притязания на власть надо было все-таки утверждать мечом. И в этой борьбе мы видим в военном красноречии Генриха IV талантливое сочетание всех средств, которые могли идти на пользу его делу. Сюда можно отнести прежде всего ясное понимание королем того факта, что гражданская война должна вестись не только военными средствами. Необходимо было не столько побеждать на поле боя, сколько выигрывать сражения за души людей, своих подданных, которые отнюдь не торопились признавать его своим повелителем.

История учит нас, что в периоды гражданских войн военные вопросы не могут быть успешно решены без удовлетворительного решения политических проблем, в связи с чем военная риторика вынуждена тесно смыкаться с риторикой политической. И пальму первенства в осознании важности и успешности применения военно-политического пропагандистского воздействия следует присудить Генриху IV. Здесь стоит отметить, что политическая и военная пропаганда Генриха реализовывалась в богатом разнообразии жанровых форм. Прежде всего это были талантливо риторически обработанные прокламации, воздействие которых, было рассчитано на все сословия.

«Что будет делать дворянство, если изменится способ правления? Что станет с городами, когда они, поддавшись обманчивой видимости свободы, ниспровергнуть древний строй этого прекрасного государства?»

Что будут делать их коренные жители, которые служат монархии, занимая все должности или в финансах, или в правосудии, или в полиции, или в армии? Все это будет утрачено, если погибнет государство. Кто даст им возможность спокойно заниматься торговлей? Кто будет гарантировать им безопасность земельных владений? Кто будет командовать армиями? И ты, народ, когда твое дворянство и твои города будут разобщены, обретешь ли покой? Народ, кормилец королевства, плодородное поле этого государства, чей труд кормит монархов, чей пот утоляет их жажду, ремесла содержат, промыслы приносят удовлетворение, – к кому ты прибежешь, когда твое дворянство будет тебя притеснять, когда твои города задавят тебя налогами? К королю, который не будет повелевать ни теми, ни другими? К судейским чиновникам? А где они будут? К наместникам – а какая у них будет власть? К мэру города – а какое он будет иметь право приказывать дворянству? Повсюду смятение, беспорядок, страдания и невзгоды. Вот каковы плоды войны» [7, С. 314-315].

Из текста этой королевской прокламации видно, что в горниле гражданских войн во Франции возник новый пафос общественной речи. Пафос этот можно назвать *государственным* или *государственно-патриотическим*. Появление его можно по праву можно считать важнейшей политической победой третьего сословия. В самом деле, даже в тексте прокламации больше всего внимания уделено третьему сословию, как новой силе, решающей судьбы государства. Перед нами своего рода панегирик, который задолго до «Декларации прав гражданина» устанавливает источником власти не божественное право короля, как исстари повелось со времен Средневековья, а благо и право народа. Все остальные сословия, как и сама королевская власть, фактически, признаются только служащими народу, как большинству нации. «Теологическое», по выражению Ф. Энгельса, средневековое мировоззрение понемногу становилось, таким образом, *национальным* мировоззрением Нового времени.

В поисках путей достижения согласия сословий возникла новая ценность, теоретически равноудаленная от сословных интересов, – национальное государство, – понятие, являющееся ключевым словом прокламации. Убеждающее воздействие прокламации построено на опровержении антитезиса о том что будет, если погибнет государство. Серии контраргументов представлены риторическими вопросами, которые впрямую ни к чему не обязывают аудиторию, а только предлагают задуматься. В прокламации практически использован метод сократиче-

ского диалога, который является одним из самых эффективных методов убеждения, известным со времен античности.

Утверждению нового пафоса была подчинена вся пропаганда Генриха IV. Уже в сражении при Иври, преследуя бегущие войска герцога Майенна, Генрих кричал своим солдатам: «Спасайте французов и не щадите иностранцев!» [157, С. 193]. Этот призыв был рассчитанным пропагандистским ходом, нацеленным на разложение армии противника, противопоставлявшим лигистов-французов наемникам и испанцам.

После открытого вступления в войну Испании «пропагандистская кампания» приобрела выраженную антииспанскую направленность. Воззвание известного публициста Антуана Арно так и называлось «Антииспанец»: «Кровожадные тигры, это вам не американские индейцы; неужели вы не боитесь, что вам придется встретиться лицом к лицу с тысячами настоящих французов, которые дадут вам сотни батальев прежде чем стать испанцами? Пусть прежние короли Франции поднимутся из своих могил, чтобы прогнать этих **полумауров, полувреев, полусарацин** (выделено нами. – авт.). О Франциск I, о Генрих II, наши добрые короли, восстаньте из мертвых, разве вы не видите, что ваш смертельный враг занимает ваше королевство, ваш город Париж, ваш дворец, ваш Лувр?» [7, С. 361-362].

С приемом «демонизации» противника военная риторика была знакома еще со времен Средневековья. Яростные инвективы в адрес врага встречаются уже в воззваниях Константина Багрянородного (см. «Военная риторика Средневековья»). Однако, в отличие от А. Арно, византийский император осыпал оскорблениями своих противников-арабов исключительно как носителей глубоко враждебной религии, не опускаясь до уровня критики национальных особенностей и культурно-бытовых различий.

Пропаганда Нового времени, как мы видим, много грубее и проще: инвективы строятся на унижении национальной гордости испанцев, чья родина много лет находилась под оккупацией мусульман, значительная часть которых была выходцами из Африки. «Антисемитские» высказывания обидно намекают на то, что до изгнания при Фердинанде II и Изабелле в 1492 г. еврейская община пользовалась значительным влиянием при дворах испанских государей и играла заметную роль в коммерческой и финансовой деятельности. Инвективы, таким образом, недвусмысленно унижают происхождение противника до родства с расой, согласно распространенным в то время воззрениям, ведущей происхождение от

библейского Хама, с народом-предателем Христа, «отверженным» средневековым христианством, и с людьми, исповедовавшими враждебную христианству религию, борьба с которой длилась не одну сотню лет. Достаточно при этом характерно, что инвектива по религиозному признаку стоит в этом ряду последней.

Стоит отметить, что воззвание изобилует стилистическими фигурами: из трех предложений два представляют собой риторический вопрос и риторическое восклицание. Не забыты и тропы: яркие эпитеты придают речи экспрессию и образность.

* * *

Анализ индивидуального риторического стиля Генриха IV лучше всего показывает тонкое понимание и умелый учет королем психологии гражданской войны, для которой характерно ослабление традиционных устоявшихся межличностных и социальных связей, мировоззренческие сдвиги в сознании людей, определенная дезориентация и связанная с ними повышенная импульсивность и иррациональность в принятии решений. Многочисленные акты слабо мотивированного вандализма, сопровождавшего все гражданские вооруженные конфликты во Франции: от расстрела статуй святых до осквернения могил наилучшим образом иллюстрируют состояние «взбаламученного» сознания общества, волею судеб оказавшегося на рубеже эпох. «Пограничным» состоянием психики людей, которое отмечал И.П. Павлов, наблюдая русскую революцию, объясняются многочисленные переходы из лагеря в лагерь, бросание в крайности, обильное проявление крайней экзальтации и кровожадной жестокости. Поэтому, как можно догадываться из анализа поведения и речей Генриха IV, главной своей задачей в достижении гражданского мира он считал успокоение и «смягчение нравов» своих подданных.

«Он награждал, когда только мог, за малейшие услуги, дружески обращался с военными людьми... Веселый вид изображался всегда на лице его, живость и приятность отменного разума являлась всегда в речах его... он обращался со знатными и дворянами, как с товарищами своими, и не имея чем наградить их, ободрял их признанием своим, что они десница государства и защитники венца главы его; сим то оружием, больше чем мечом, победил он жесточайших своих врагов, — писал про короля Г. де Перефикс [157, С. 232-233]. Для Генриха IV, почти всегда остро нуждавшегося в деньгах, речь была важнейшим средством морального стимулирования, на которое можно было не

скупиться. Короткостью обращения, о которой и после его смерти в народе ходили легенды, король «выигрывал сердца подданных».

Веселость Генриха отмечают все современники и историки. Король любил говаривать, что одной ложкой меду можно поймать более мух, чем сорока бочками уксуса. Это замечание свидетельствует о том, что помимо врожденной жизнерадостности, которая на протяжении всей его жизни подвергалась столь суровым испытаниям, Беарнец обладал редкой способностью сохранять присутствие духа в самых трудных ситуациях. Зачастую ничего другого королю просто не оставалось. И всегда его веселость обращалась для ободрения, или как сказали бы сейчас, эмоционального заражения войск. Например, в 1589 г. при осаде Арка (во время которой он подписывал письма возлюбленной «из траншей при Арке»), когда пленный, подведенный к королю, выразил недоумение столь малым количеством его войск, Генрих «весело» отвечивал: «Ты не всех их видишь, ты и забыл, что, во-первых, с моей стороны Бог и справедливость»... Слово это произвело желанный успех...», — отмечал очевидец [260, С. 28].

Эта же веселость и доброжелательность выступали средством удержания вокруг короля дворян в то время, когда «забота об урожае», например, регулярно сокращала армию короля порой более чем вдвое. Нельзя было обойтись без обходительности и в разговоре с наемниками, которые вообще не были привязаны к королю и его «правому делу». Особо это касалось немцев.

Перед сражением при Иври командовавший немецкими рейтарами полковник Теодор де Шомберг по прозвищу Тиш принужден был просить у короля денег, которые тот задолжал солдатам и угрожал, что было обычной практикой наемников, что в противном случае его войска не будут участвовать в сражении. Король отвечал немцу сурово: «Как, полковник, разве дело честного человека требовать денег, когда надо принимать приказы к сражению?» Шомберг, как пишет Prault, «в великом смущении удалился от него, не говоря ни слова». Видимо, это безмолвие полковника внушило Генриху большие опасения, что в решающий момент немцы могут изменить, перейдя на сторону более исправного плательщика. Поэтому утром король, выстраивая войско, «вспомнил о произошедшем накануне и поспешил исправить обиду свою: «Полковник! — говорил он публично Тишу, — мы теперь в таких обстоятельствах, что я может быть останусь на поле боя; несправедливо захватить с собою честь такого храброго дворянина, как вы. И потому при всех объявляю,

что я признаю тебя за честного человека и не способным к проявлению малейшей подлости и неверности». И в ту же минуту обнял его дружески и поцеловал». Простодушный, как все старые вояки, полковник был тронут королевской лестью до слез и отвечал ему: «Государь! Вы, возвращая мне честь, отнимаете у меня жизнь; и я был бы недостоин ее, если бы сегодня не пожертвовал ею за вас; да хотя бы у меня была и тысяча жизней, все бы поверг к ногам вашим!» [261, С. 30].

Наконец, Генрих учитывал и изменившийся состав своего войска, дворяне-рыцари среди которого составляли хоть и ценную, но небольшую по численности часть. Гугеноты из третьего сословия, взявшиеся за оружие, чтобы защитить себя и свои права и свободы, не проходили школу рыцарского воинского воспитания и поэтому больше других были чувствительны к внезапным изменениям обстановки, которые неизбежны в любой войне. Это было не то французское средневековое рыцарство, для которого по выражению Ж. Мишо «всякая разумная мера отнимала у мужества всякий блеск», очертя голову бросавшееся в любую авантюру, лишь бы впереди маячила возможность блеснуть героизмом и приумножить славу предков.

Протестантские религии особенно склонны рассматривать проявление милости Божией как залог «достоинства» человека. Отсюда, кстати, такой страх, свойственный современному западному менталитету, оказаться «неудачником». Как следствие – даже малейшие неудачи могли восприниматься гугенотами как свидетельство отступления от дела короля божества, прежде всего (поскольку люди всегда склонны винить кого угодно, только не себя), в силу недостойности самого предводителя.

Такая ситуация, судя по всему, возникла в 1596 г. при осаде испанцами Кале, когда Генрих два раза с малым числом войск пытался подать городу помощь, но поскольку ветер для его кораблей был противным, не успел, и Кале был взят. Король, по воспоминаниям Сюлли, «вместо того, чтобы опечалиться со светлым лицом воскликнул, как будто известие его нимало не огорчило: «Итак, друзья мои, нельзя уже этому помочь: Кале взят! Однако же не должно ради этого печалиться и терять бодрости, потому что храбрые в печали укрепляются и ободряются надеждой. На войне случается и выиграть, случается и проиграть. Теперь победу торжествует неприятель, а в другое время и мы с Божьей помощью (которой Он никогда не оставлял меня, когда я просил искренне и от всего сердца) будем торжествовать. Для этого не должны мы теперь ни жаловаться, ни тужить, ни поносить, ни ругать кого-нибудь, а напротив

должны с честью прославить память погибших в сражении, и не лишить живых похвалы, достойной их доблести, проявленной при защите города. Теперь надо стараться отыскать средства отплатить неприятелю, чтобы город наш (что я и надеюсь сделать при помощи Небес) столько дней пробыл у испанцев, на сколько лет оставляли его предки наши у англичан!» [260, С. 63-64].

Эта пространный для Генриха речь показывает, какое значение он придавал убеждению соратников в том, что милость Божия по-прежнему, несмотря на перемену религии в 1593 г., которая наверняка еще не успела стереться в памяти его суровых гугенотов, ему по-прежнему сопутствует. В том, что король обращался именно к гугенотам из третьего сословия, убеждает частота упоминания имени Божьего и то, какое значение придавалось толкованию, в общем-то, прописной для любого военного человека истины, что счастье на войне крайне переменчиво. Свойство искать при каждой военной неудаче виновника также весьма характерно для сознания обывателя, не способного осознать, что противник также, как правило, не лишен рассудка и всеми силами преследует на войне собственные цели. Речь завершает весьма любопытная и эффектная концовка, явно употребленная «ради красного словца», рассчитанная на слабо подготовленного слушателя.

Присутствие духа короля порой позволяло спасти положение, не прибегая к битве, как например, при осаде Амьена в 1597 г., когда на помощь осажденным внезапно прибыло свежее испанское войско эрцгерцога Альберта. Генрих IV в это время ездил на охоту, и, «возвратясь, нашел свое войско в великом ужасе,... но посреди великой опасности не лишился он своей неустрашимости рассудка, раздавал приказания нимало не смущаясь и являлся везде в таком веселом виде и твердости, как будто уже одержал победу... Усматривая прекрасный порядок испанского войска, унылость своего и слабость места, в котором не имел времени укрепиться, немного содрогнулся и усомнился в успехе дня. Тогда, опершись на луку седла и держа шляпу в руках и возведя очи на небо, воскликнул: «О Господи, если в день сей определил ты наказывать меня за грехи мои пред тобою, то предаю жизнь мою твоему правосудию; да не оскудеет святое милосердие твое, помилуй бедствующее сие государство и не порazi стада за прегрешения пастыря!» Нельзя изъяснить какое действие произвели эти слова; они мгновенно разнеслись по всему войску, и казалось, некоей божественной силой влили храбрость в сердца французов [157, С. 318].

В публичной молитве короля повторяется тот же жертвенный мотив, что и в битве при Иври. Только в этом случае даже не потребовалось последующей речи. Воодушевление, которое охватило французские войска при виде такого самоотречения их государя, наверняка выразилось в боевом кличе, потому что эрцгерцог, внезапно охваченный сомнением, предпочел уклониться от сражения, которое первоначально обещало ему явный успех.

Можно заметить, что военная риторика Генриха IV демонстрирует постепенный отход от гугенотского увлечения в духе принца Конде и адмирала Колиньи ветхозаветными сюжетами, образами и персоналиями. Риторика короля проникнута духом Евангелия, духом любви и жертвенности Нового Завета. В этом секрет ее успеха. Язвы гражданского противостояния, порождаемые духом раздора и разделения, можно было уврачевать только духом любви и согласия. Приверженностью новозаветной риторике Генрих исподволь утверждал в умах французского народа пошатнувшуюся идею легитимности монархической власти. «Добрый» король был списан с Пастыря доброго, от которого он получал свое помазничество и призвание к власти. Строгое следование в общественных речах этому образу искупало все ошибки и человеческие слабости короля и в конце концов принесло ему победу.

Подводя итог рассмотрению французской военной риторики периода религиозных войн, следует отметить, что для нее было характерно как использование традиционных (героического и религиозного) пафосов, так и возникновение нового, *государственного* (государственно-патриотического) пафоса общественной речи. Появление государственного пафоса было вызвано возрастанием политического веса третьего сословия в жизни королевства, что привело к разрастанию конфликта между сословиями, которое вскоре приняло самые ожесточенные формы военного противостояния, грозившими самому существованию монархической власти.

В этой ситуации, в условиях выраженного кризиса феодального теологического мировоззрения, необходима была структура, которой бы сословия добровольно вверили роль третейского судьи для достижения общенационального согласия. В противном случае, в условиях соседства сильного, стремящегося к доминированию на континенте противника в лице Испании, велик был риск падения политического значения Франции, вплоть до утраты независимости. Этой структурой стало государство, которое с этой поры стало приобретать самодовлеющую ценность в

глазах большинства народа, в том числе и со стороны королевской власти, в какой-то степени сообщившей государству харизму верховной власти.

Государственный пафос на первых порах использовался в жанрах пропаганды (прокламациях, воззваниях), которые выполняли функцию диалектической, учительной речи, исподволь подготавливая общественное мнение к осознанию и принятию сословиями новой ценности – государства. В военных речах этого периода, которые можно отнести к категории ораторики, опирающейся на практическую, привычную мораль, разделяемую большинством аудитории, продолжали использоваться традиционные пафосы: героический и религиозный.

«Жил-был Анри Четвертый, он славный был король...». Генрих IV остался в памяти народа, на наш взгляд, потому что именно он первым из королей осознал, что народ становится новой силой, определяющей исторические судьбы страны.

1.2. Риторика английской революции

Всплеск активности третьего сословия, покачнувший трон французских королей во второй половине XVI в., столетие спустя инициировал на Британских островах процессы, в результате которых 30 января 1649 г. впервые в европейской истории голова короля скатилась на плахе по приговору его подданных. Причем Карл I как личность был прямой противоположностью последним королям династии Валуа, личностные качества которых, собственно, и послужили внешним поводом дискредитации идеи монархии в умах французского третьего сословия. Даже человек, слово которого привело несчастного монарха под топор палача, отдавал должное своему политическому противнику: «Это самый честный и самый соvestливый человек во всех трех королевствах» [61, С. 153].

Вообще, как можно заметить, все государи, чья судьба сложилась трагически: Карл I в Англии, Людовик XVI во Франции, Николай II в России отличались прекрасными человеческими качествами: глубоким осознанием своего долга перед народом, религиозностью, порядочностью, были прекрасными семьянинами. Дело, следовательно, всегда заключалось не в том, что глава государства был не способен или, тем более, не достоин управлять своим народом и даже не в ошибках его внешней и внутренней политики. В частности, политика поддержки французских протестантов, которую парламент ставил в вину Карлу I,